

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО К А. ЧЕХОВУ*)

Публикуемые два письма М. Горького к А. П. Чехову относятся ко времени пребывания писателя в ссылке в Арзамасе и написаны в мае-июне 1902 г. В своих воспоминаниях о Л. Андрееве М. Горький, останавливаясь на этом периоде своей жизни, писал: «полицейской поставили прямо под окно мое, и он с бесцеремонностью заглядывал в комнаты, когда находил нужным. Все это очень напугало горожан и долгое время никто из них не решался зайти ко мне». И еще: «мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и городским служащим людям посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры».

Упоминаемые в письмах лица: Тетя Оля—Ольга Леснардовна Книппер-Чехова, артистка Москов. художественного театра, жена А. Чехова, Искуль—баронесса В. И. Искуль фон-Гильденбранд, занималась некоторое время литературой, пользуясь большими связями, оказывая много услуг литераторам, навлечшим на себя репрессию властей. М. Горький познакомился с Искуль в 1900 г. на пароходе по пути из Васильсурск в Козьмодемьянск. Баранов Н. А.— артист Моск. Художественного театра, играл в пьесах М. Горького «Мещане» и «На дне» роли Тетерава и Кривого Зоба. Плева, В. К.—министр внутренних дел и шеф жандармов. А. Чехов в письме М. Горькому от 2 июня писал: «На-днях я виделся с одним господином, который знаком с Плева и знает его; говорил он, что скоро вас освободят от надзора. Несколько это верно, судить не берусь». Кольберг Вера Николаевна, товарищ М. Горького по революционной работе. Была арестована по делу о приобретении мимеографа, который в 1901 г. был послан М. Горьким и Сжитальцем на ее имя. Жила у М. Горького в Арзамасе под видом воспитательницы его детей.

Публикуемые два письма в числе других писем М. Горького к А. Чехову будут печататься во втором сборнике «М. Горький. Материалы и исследования», издаваемом институтом литературы Академии Наук СССР.

С. БАЛУХАТЫЙ.

1.

Вот я и в Арзамасе, дорогой друг Антон Павлович!

Любуюсь церквями—их здесь 36 штук. А о жителях слышал, что они меня боятся и, будто бы, по поводу появления моего говорят так: «Вот не было печали, так черти напачкали! Пойдут теперь и у нас прокламации с революциями». Никто ко мне,—кроме разных людей низкого звания—не ходит. Спасаясь, что визит такой может наложить пятно неблагонадежности, а я этому рад. Живу себе, да прова болю, для гимнастики. Кажется, много буду писать, хотя еще не начинал.

Тихо здесь, спокойно, воздух хороший, множество садов, в садах полют колоды и прячутся под кустами пионы. Колоды во всех садах, а пионы, кажется, только в моем. Сидят, во тьме ночной под окнами и стараются умотреть, как я бравогу лущаю по России, а не видя сего—покрадывают и пугают домашних моих.

Честь и слава министерству внутренних дел! Как неутомимо оно обращает на меня внимание обывателей русских! В Арзамасе публика начала почитать Горького из таких соображений: «Надо почитать его, черт возьми! А то узнает как-нибудь, что не читали, скажет—невежды». И покупают книжки, белые люди! А мне-то и на руку. Вообще здесь очень любопытно жить, давно уж я не видел так много тупых и наивных людей в одном месте. Приезжайте. У нас огромный дом, что-то около 12 комнат, а если найдете, что здесь жарко, пыльно и скучно,—мы вас отправим в Понетаевский монастырь—тишное место верстах в 20. Вот там река рыбная, пруды, сады и 700! монашек. Подумайте—700! А то поедете в Саровскую пустынь, тоже великолепное место,—бор сосновый там—удивительный! Здесь, у нас в Арзамасе есть река Теша, в ней мальчишки с большим успехом ловят окуней, чуют и карасиков. Возьмем мы с вами лодку, я буду вас возить по реке, а приедете на рыбное место—я буду книжку читать, а вы—дождитесь пока окунь клонет. Мило жить, ей-Богу! Молоко здесь хорошо очень, и много дичи. Мы все дупелей едим, да рябчиков. Дешево!

Приезжайте ка. И заберите тетю Ольгу с собой, она бы роли свои готовила и здоровья нагуливала себе вместе с моей пищеобразной женой.

Зажили бы мы расчудесно! В саду, под старой липой повесим гамаки и, лежа в них, в небеса арзамасские молча смотреть будем. И еще многие другие удовольствия ждем. В случае если серьезно надумаете ехать сюда—вышло в Нижний жену навстречу вам.

А тете Ольге скажите вот что: о карточке моей для Искуль писала она,—так у меня нет такой карточки. Снял меня в этом вите алупкинский фотограф, по фамилии Виноградов или Пономарев—не помню. Но их в Алупке двое—узнать можно. Так что самой О. Л. легче достать эту карточку, чем мне можно даже по телефону все это обработать. Потом—карточку эту привезти сюда, если поедете, а не поедете—так уж прислать. Ну, всего доброго, пока. Очень жду ответа. Всего краше будет, если вместо ответа вы сами поедете сюда. Право же вам надо ехать из этого дурацкого места, ведь надоело! А жена просит написать вам, что и кухарка у нас хорошая—ее приглашают стряпать в монастыри, когда приезжает архiereй. Вот как: клятвенно уверяю вас, здесь во всех отношениях лучше, чем у вас, только моря нет. Но зато есть пруды и в них такие лягушки, что диву даешься. Со светлейшего князя Ливена величайшей,—проще.

Кланяйтесь алупкам. Всем шлю низкие поклоны и всех желаю бы видеть в Арзамасе—не под надзором полиции впрочем, ибо я—не злобив.

Крепко жму руку.

А. Пешков.

А ведь занятно на земле жить, ой Богу! Тете Ольге—доброе дозоровья поскорее, а потом—желания ехать сюда. И вам того же.

Так как я ожидаю некоторых неожиданностей, то, в случае если они произойдут,—жена своевременно известит вас об этом.

2.

Приехал ко мне Баранов и сообщил, что вы думаете ехать на Волгу. Ко мне от Нижнего семь часов езды по железной дороге, по очень скверной дороге! Но у нас есть сад, с огромной липой в нем, а под этой липой мы пьем чай, дважды в день. И есть у нас четыре пустых комнаты, назначены они для вас. Пустые они только потому, что не заняты, а кровати, столы и все, что требуется—в них есть. Река Теша—хорошая река и рыбы в ней—сколько угодно! Серьезно! Выкупавшись, я подолгу сижу на берегу и наблюдаю, как в воде гуляют окуни, жер и прочие синьоры. Очень интересно! Окрестности—мне ужасно нравятся: равнина широкая, зеленая, усеянная селами. Таштина здесь—великолепная. Воздух добротнейший. Земляники и молока—сколько хотите!

Я уверен, что и вам и тетеньке Ольге—было бы совсем не вредно погостить здесь с месяц времени и покориться от благ земли арзамасской. Так что вы подумайте! И, подумав, телеграфируйте: едем, мол!

А Баранов этот—глуп. Так глуп, что право редко бывают такие экземпляры. Порет он мне разную скверную чушь о театре, и хотя я его ежедневно крепко ругаю, доказывая ему, что он и дурак и лгунолюб, однако на него мне не действует. Очень вероятно, что мне придется обидеть его.

Повидаться с вами—очень хочется. Скоро пришло вам письмо—сообщите куда?

Относительно Плева и забот его обо мне—не вникать как-то. Но—ложившись—увидим. Здесь воюю с полицией, чем никогда не занимался. Некий полицайнт Данилов, всего только пристав, захотел показать мне, сколь он сильный человек на земле арзамасской, и вот однажды, нахальнейшим образом, ввалился ко мне в квартиру и стал—не менее нахально, спрашивать кто у меня в гостях. Здравствуйтесь! Я говорю ему, что вы, голубчик, излезайте вон от меня, а ежели имена гостей вас интересуют, так ступайте в гостиницу, где гости эти живут, да там о них и справьтесь. Но оный грозный и мудрый представитель власти закричал на меня, что он имеет право входить в обиталище мое во всякое время дня и ночи и даже—захочет—произведет обыск своею властью. Ушел. И не смотря на то, что гости жили в Арзамасе трое суток—в гостинице о них там и не спрашивали. А ватавно удал штуку еще лучше: Вера Кольберг, живущая у нас, по случаю крайне тяжкого положения болезни ее брата была вызвана телеграммой в Нижний, где у них аптека. Заявила о необходимости ехать поспешно и—поехала. А на вокзале подхватил ее Данилов и говорит: по чьему разрешению едете? Она объясняет. Но Данилов кричит: «Извольте выйти вон из вагона». Вот как упираются властью в Арзамасе и вот какими поступками приходится мне заниматься. Жалуюсь крупным властям, знаете,—но пока милости от них не вижу. Пол окнами моими гуляет полицейский, а изредка проезжает и сам Данилов, верхом на коне, при этом он зорко и внимательно всматривается в нутро моей обители, очевидно, желая знать—как успешно делаю я революцию, конституцию и прочие несложные вещи. Курьезно, но и—возмущает.

Повторяю: приезжайте под надзор Данилова. Здесь все,—кроме его,—хорошо!

Жена кланяется. Я—тоже.

Крепко жму руку.

А. ПЕШКОВ.

*) Публикуется впервые. Для опубликования в «Горьковской коммуне» предоставлено проф. С. П. Балухатым.